

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

27 ноября 2018 – 15:00

Прокофьев Андрей Вячеславович

Этика и психология стыда

Тезисы доклада

Задача моего выступления состоит в том, чтобы представить ряд проблем, находящихся на стыке этики и психологии и связанных с понятием стыда. Однако параллельно меня будут занимать два вопроса, поставленные Р.Г. Апресяном в его недавнем выступлении на нашем семинаре. Первый: как результаты психологических исследований могут «работать» в этическом исследовательском контексте? Второй: могут ли этические исследования быть значимы для психологии морали? У меня нет полноценного ответа на них. Но некоторые заходы к их обсуждению прослеживаются на примере этического осмысления теоретических позиций и отдельных тезисов, возникших в психологической дискуссии о стыде.

I

Для психологической науки до определенного момента моделью понимания этой эмоции (или этого сложного эмоционального комплекса) была длительная философская традиция воспринимать стыд как болезненную реакцию на негативную оценку или возможность негативной оценки со стороны других людей. В позднейшей, уже критически настроенной к такой интерпретации литературе она получит название «социализированной» или «экстернализованной». Социализированная или экстернализованная интерпретация стыда отчетливо представлена у Аристотеля в «Никомаховой этике» и «Риторике», у Фомы Аквинского, проходит через историю новоевропейского философского анализа страстей и аффектов. В современную психологию и социологию эмоций она пришла через историко-культурологическую типологию “культур вины” и “культур стыда”, в которой была зафиксирована антитеза этих двух переживаний как, соответственно, автономной и гетерономной реакции деятеля на нарушение нормы. Образцовым проявлением обсуждаемой интерпретации является описание стыда Т.Шефом: универсальный «моральный гироскоп», который посредством негативных переживаний, вызванных реальной или возможной реакцией окружающих на наш поступок, сообщает нам об угрозе нашей системе социальных связей.

Однако в середине XX в. в психологии начинает вызревать альтернатива этому мейнстримному пониманию стыда, у которой почти нет прецедентов в истории этики и философского анализа страстей и аффектов. Различие вины и стыда для сторонников этой альтернативы состоит не в автономном или гетерономном характере негативной самооценки, а в ее объекте. Эта интерпретация появляется у фрейдистов 1950-х гг. и развивается в работах Х.Б.Льюис и Дж.Тэнгни. Специфику стыда для них задает оценка человеком своей личности, а специфику вины – оценка им своего поступка. Фактор присутствия «осведомленного другого» (реального или воображаемого) не является необходимым ни для вины, ни для стыда. В рамках этой, «десоциализированной» и «интернализированной», интерпретации стыда возникает его систематическая критика. Стыд рассматривается как «неадаптивная» моральная эмоция, поскольку а) ведет к депрессии, б) подавляет эмпатию, в) блокирует действия, компенсирующие ущерб, г) инициирует гнев и агрессию, д) не способствует улучшению морального характера. На основе этих аргументов Тэнгни

предложила осуществить масштабный воспитательный проект, состоящий в переориентации моральной самооценки с переживания стыда на более «адаптивное» переживание вины.

Однако в 2000-х гг. представление о стыде, сконструированное Тэнгни, было оспорено в двух направлениях. Во-первых, был проведен ряд эмпирических исследований, которые указывают на то, что независимость стыда от образа «осведомленного другого» является преувеличением. Во-вторых, другие исследования показали, что стыд, если он не превратился в доминанту характера, порождает не замыкание в себе и стремление скрыться, а попытки восстановить положительное отношение к собственной личности за счет просоциальных действий. При этом, в отличие от вины, которая меняет поведение лишь по отношению к тем, кто пострадал от нарушения, стыд увеличивает вероятность того, что нарушитель будет воздерживаться от причинения вреда и незнакомым ему людям (выводы И.Де Хуге, С.Бройгельманса, М.Зиленберга).

II

Применительно к проблеме стыда упомянутые выше общетеоретические вопросы можно переформулировать так.

1. Нужны ли этической теории данные психологических исследований стыда?

2. Могут ли философия или этика внести свой вклад в исследование стыда, и будет ли этот вклад а) интересен для психологов и б) таким, который психологи не могли бы по каким-то причинам внести сами?

Отвечая на первый вопрос, можно сказать, что данные нужны, поскольку этики часто идут на поводу своего индивидуального опыта и философской традиции. Здесь важен пример связи стыда с оценкой личности, а не поступка, которая до психологических исследований XX в. находилась в тени и философами не замечалась. Этик, пытающийся создать общую теоретическую модель морали и заполнить в ней рубрику «внутренние и идеальные санкции», будет давать упрощенную, и даже искажающую реальность картину. Другой пример касается недостатков стыда, в особенности – его связи с гневом и агрессивностью, которая до исследований Дж.Гиллигана, Т.Шефа, С.Ретцингер отчетливо не осознавалась. Для этика вопрос причин агрессивности и безразличия к интересам и потребностям другого человека существенен, поскольку поиск ответа на него является неотъемлемой частью исследования проблемы истоков зла. А без достижения определенности по отношению к истокам зла невозможно вести содержательный разговор о противодействии ему.

Отвечая на второй вопрос, следует учитывать возможные уровни этического анализа.

Первый уровень – уровень теоретического отображения частных феноменов морального опыта. Для психологических работ свойственно определенное пренебрежение концептуальным анализом. Философское исследование компенсирует этот недостаток. Хорошим примером являются работы о стыде Ж.Деонны, Р.Родоньо и Ф.Террони. Многим психологам они оказались интересны именно в порядке прояснения дефинитивных вопросов. Деонна, Родоньо и Терони выступают как сторонники десоциализированного подхода к стыду, но не принимают его «демонизацию» в духе Тэнгни. Мне же представляется, что их анализ имеет существенные недостатки, устранение которых заставляет рассматривать стыд в качестве двухфокусного механизма самооценки, который одновременно сконцентрирован на личности нарушителя и инициирован реальной или воображаемой оценкой со стороны другого человека. Кстати, некоторые психологи принимают именно эту позицию, однако без аргументированного обоснования.

Второй уровень – уровень локализации частных феноменов в общей картине морали и критики морального опыта. Психология морали отчасти выполняет такую работу, но, будучи эмпирической дисциплиной, осуществляет ее спорадически, набегам, нерелексивно. Этика, одна из основных задач которой состоит именно в создании целостной теоретической модели морали, имеет здесь заведомое преимущество.

Если в центре внимания находится овнешненный способ самооценки, свойственный стыду, то ключевой проблемой оказывается вопрос о том, ведет ли это обстоятельство к признанию периферийности стыда для морали и даже его неморального статуса. Психологи, для которых связь морали с автономным характером решений и оценок, не является существенной, по умолчанию признают в стыде центральный, а не периферийный элемент морального опыта (ср. мысль Шефа о «моральном гироскопе»). Этики, напротив, не могут отнестись к этой проблеме как к тривиальной и пытаются обосновать одну из трех позиций: 1) стыд есть внешний по отношению к морали способ регулирования поведения, 2) стыд есть вспомогательный, периферийный способ морального регулирования, 3) стыд есть центральное явление для коммунитарно-коммуникативной части морали, которая является не менее важной, чем перфекционистская и эмансипационная.

Если в центре внимания находится сосредоточенность стыда на качестве личности нарушителя, то ключевая проблема состоит уже в том, является ли это основанием для признания стыда вредным, а значит лишним элементом морального опыта. При решении этой проблемы этический анализ также важен. Первая причина этого состоит в том, что, оценивая стыд, психологи используют довольно неопределенное понятие «адаптивность». Этика, по всей видимости, может предложить более совершенный оценочный аппарат. Вторая причина состоит в том, что только на фоне целостного, многоаспектного представления о морали возможно полноценное соотнесение двух ведущих механизмов моральной самооценки – стыда и вины. Неудивительно, что именно в этике (конкретно, у Г.Тэйлор) зарождается очень перспективное представление об их взаимной дополнительности.

Избранная литература

Deonna J.A., Rodogno R, Teroni F. In Defense of Shame: the Faces of an Emotion. N.Y.: Oxford University Press, 2012.

Lewis H. B. Shame and Guilt in Neurosis. N.Y.: International Universities Press, 1971.

Nelissen R.M.A., Breugelmans S.M., Zeelenberg M. Reappraising the Moral Nature of Emotions in Decision Making: The Case of Shame and Guilt // Social and Personality Psychology Compass. 2013. Vol. 7. № 6. P. 355–365.

Scheff T.J. Shame in Self and Society // Symbolic Interaction. 2003. Vol. 26. № 2. P. 239–262.

Tangney J.P., Dearing R.L. Shame and Guilt. N.Y.: Guilford Press, 2002.

Taylor G. Pride, Shame and Guilt: Emotions of Self-Assessment. Oxford: Clarendon Press, 1985.